

Научная статья

УДК 272+342.532(470+571)[1907/1912]

Для цитирования:

Бурляев И.Н. Католическая социальная доктрина и парламентская стратегия Польского коло во II и III созывах Государственной Думы Российской империи // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2026. № 2 (33). С. 156–174.

DOI: 10.56621/27825884_2026_33_156

Бурляев Илья Николаевич,

аспирант

Сретенской духовной академии,
Российская Федерация, 107031, г. Москва,
ул. Большая Лубянка, 19, стр. 3
inburlyayev@mail.ru

ORCID: 0009-0007-1927-3964

Католическая социальная доктрина и парламентская стратегия Польского коло во II и III созывах Государственной Думы Российской империи

И.Н. БУРЛЯЕВ

Аннотация: Статья рассматривает влияние католической социальной доктрины на формирование парламентской стратегии Польского коло во II и III созывах Государственной Думы Российской империи. На основе анализа стенографических отчетов, церковной публицистики и энциклик Льва XIII показано, как принципы католического учения — солидарность, субсидиарность и общее благо — определяли поведение польских депутатов, придавая их политике богословско-нравственную направленность. Выявлено, что фракция выступала как модель католического парламентаризма, где закон рассматривался не как инструмент власти, а как форма служения справедливости. Особое внимание уделено позиции Польского коло в ходе обсуждения Холмского вопроса 1912 года, когда религиозные аргументы стали средством политического сопротивления. Сделан вывод о значении фракции для становления этической традиции христианской политики в позднеимперской России.

Ключевые слова: Польское коло, католическая социальная доктрина, Холмский вопрос, социальное учение Церкви.

Исследование парламентской деятельности католических фракций в составе Государственной Думы Российской империи открывает направление, которое до недавнего времени оставалось на периферии

как исторических, так и богословских исследований. Внимание к этому сюжету позволяет выявить механизм, через который религиозная идентичность становилась не просто культурным фоном, но источником политического действия, формирующим устойчивые модели поведения национальных фракций. Католические депутаты, действовавшие в условиях политической модернизации и административных ограничений, привнесли в думское пространство специфическую форму нормативной аргументации, основанную на соединении богословских категорий, правовых принципов и коллективной памяти польского общества.

Среди различных парламентских групп, представлявших национальные и конфессиональные интересы, особое место занимает Польское коло — неформальная, но высокоорганизованная фракция, объединявшая польских депутатов католического исповедания во II и III созывах. В условиях, когда Государственная Дума становилась ареной открытого соперничества политических партий, региональных лобби и профессиональных объединений, Польское коло выделялось способностью трансформировать религиозно-национальную солидарность в устойчивую парламентскую стратегию. Эта группа обладала внутренней дисциплиной, продуманной структурой и общей мировоззренческой платформой, что позволяло ей выступать не как набор индивидуальных голосов, а как коллективный субъект политической жизни.

В отличие от светских национальных объединений, опиравшихся преимущественно на идеи автономии, гражданского равноправия или политического федерализма, Польское коло использовало интеллектуальный ресурс католической социальной доктрины, которая с конца XIX века становилась важнейшим элементом европейской политической мысли. Опора на энциклики *Rerum Novarum* и *Graves de communi re*, на понятия солидарности, subsidiarности и общего блага придавала парламентской практике фракции нравственную глубину и богословское измерение, позволяло формировать аргументацию, выходящую за рамки узкого национального интереса. Для польских депутатов закон рассматривался не как инструмент политического давления, а как форма служения справедливости, призванная обеспечивать гармонию между правами личности, общественным порядком и религиозной традицией.

Такой подход позволял Польскому колу сочетать защиту польских интересов с использованием универсального морального языка, воспринимаемого в имперском парламенте как легитимный. Его представители выступали не только как носители польской национальной программы, но и как интерпретаторы католической этики в публичной политике, что делало вклад фракции значимым для понимания механизма интеграции религиозных идей в правовую систему поздней имперской России и формировало основу для дальнейшего становления христианско-демократических подходов в Восточной Европе.

Конец XIX — начало XX века в католическом мире ознаменовались формированием новой теории общественного учения Церкви, в центре которой находилась идея гармонии между трудом, собственностью и моральным долгом. Энциклика Льва XIII *Regum Novarum* стала основанием, на котором католические политики выстраивали «собственное понимание общественного служения»¹. Для польского общества, переживавшего утрату государственности и пребывавшего под властью трех империй, эти идеи приобрели особое значение: они соединяли «социальную солидарность с верностью религиозной традиции»².

Во II и III созывах Думы Польское коло стало выразителем синтеза национального и религиозного самосознания. Польское коло представляло альтернативный тип политического поведения, опирающийся на религиозную автономию и правовую аргументацию. Его стратегия — сочетание независимости от общероссийских партий и приверженности католической доктрине — позволила фракции не раствориться в политической среде, а выработать собственную форму участия в государственной жизни.

Цель настоящей статьи — раскрыть влияние католической социальной доктрины на формирование парламентской стратегии Польского кола во II и III созывах Государственной Думы Российской империи. Анализ данного опыта позволяет проследить, каким образом католическая традиция, сохраняя теологическую целостность, могла интегрироваться в систему имперского парламентаризма, придавая

¹ Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013. С. 75.

² Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011. С. 220.

ей этическое измерение и формируя новую модель религиозного участия в политике.

Лишенное собственной государственности и существовавшее в условиях тройного раздела, польское общество рассматривало социальное учение Католической Церкви как один из немногих устойчивых ресурсов коллективного самосохранения. Католицизм в этих условиях выступал не только религиозным символом, но и структурой, поддерживавшей целостность национального организма: приходские сети обеспечивали элементарную социальную инфраструктуру, монашеские ордена формировали пространство образования и профессиональной подготовки, а католическая пресса поддерживала каналы обмена идеями между разрозненными польскими территориями. Социальная доктрина Церкви, начиная с энциклики *Regum Novarum*, воспринималась польскими элитами и католическим духовенством как нормативная опора, способная придать политическому действию моральную форму и связать вопросы экономической справедливости с задачами сохранения культурной автономии.

В условиях систематической русификационной политики, ограничений католических образовательных учреждений и административного давления на церковные структуры католическая доктрина выполняла функцию своеобразной «внутренней конституции», позволяя польскому обществу артикулировать свои притязания не в форме политического протеста, а через апелляцию к универсальным принципам христианской этики. Именно в этом сочетании религиозного и национального начал формировался уникальный тип духовного сопротивления, в котором память о прежней государственности соединялась с опытом жизни под имперской администрацией. В отличие от светских национальных программ, которые могли трактоваться властями как политически опасные, позиция, опирающаяся на социальное учение Церкви, позволяла польским политикам и церковным представителям легитимировать свои требования в рамках допустимого юридического поля, не отказываясь при этом от стратегической цели сохранения культурной автономии.

Католицизм в этих условиях утратил черты лишь конфессиональной принадлежности и превратился в язык, на котором польская нация выражала свои представления о справедливости, исторической преемственности и праве на самоопределение. Понятия общего

блага, достоинства личности, солидарности и защиты малых сообществ, разработанные в папских документах, стали не отвлеченными богословскими категориями, а рабочими инструментами политического дискурса. Через обращение к ним польские депутаты могли формулировать свои аргументы в терминах, обладавших моральной универсальностью и не сводимых к узконациональным притязаниям. Именно поэтому католическое учение стало не только идеологическим ресурсом, но и способом адаптации национальных требований к правовым рамкам империи, обеспечивая возможность артикулировать коллективные интересы, не вступая в прямой конфликт с законодательными нормами Российской империи.

Польское коло восприняло эти идеи не декларативно, а институционально. Внутренняя структура фракции, основанная на дисциплине, соборности и солидарности, воспроизводила «принципы католической социальной этики»³. Организационные решения принимались коллегиально, приоритет отдавался единству позиции, а публичные выступления рассматривались как форма морального свидетельства. Польское коло было одним из наиболее организованных и влиятельных депутатских формирований по национально-территориальному принципу.

В идейной ориентации фракции центральное место занимали категории общего блага (*bien commun*) и субсидиарности⁴ — ключевые для католической мысли рубежа веков. Первая из них определяла цель политики как согласование интересов личности и общества в свете нравственного закона; вторая утверждала необходимость уважения к автономии малых сообществ — семьи, приходской общины, профессионального союза. Переноса эти принципы в парламентскую практику, польские депутаты стремились придать законодательной деятельности моральную направленность. Для них парламент был не ареной компромиссов, а пространством нравственной ответственности, где решение должно соотноситься с представлением о справедливости, основанной на христианском учении.

³ Алескеров Ф.Т., Кравченко А.С. Распределение влияния фракций в Государственных думах Российской империи, 1905–1917 гг. М., 2005. С. 15.

⁴ См.: Тимиряев Д.О. Политическая борьба в Российской империи на страницах отечественной консервативной и либеральной публицистики в конце XIX — начале XX вв. Польский вопрос. М., 2019. С. 65.

Даже в вопросах аграрной реформы, где пересекались экономические и национальные интересы, риторика фракции оставалась морально ориентированной: защита собственности рассматривалась как защита человеческого достоинства, а идея трудового участия — как выражение обязанности перед общим благом.

Фракция имела четко очерченную организационную структуру: председатель (в разные годы — Л. Дымша, затем В. Грабский)⁵, президиум и постоянный секретариат, ответственный за координацию законодательных инициатив и контакты с другими фракциями. Внутренняя дисциплина строилась на принципе морального единства, а не формального подчинения. Каждый депутат сохранял автономию в оценке конкретных законопроектов, но при голосовании следовал решению большинства. Эта особенность отражала католическое представление о субсидиарности — гармонии между личной ответственностью и соборной волей.

На идейном уровне Польское коло исходило из трех взаимосвязанных принципов. Первый — национальное представительство, подразумевавшее защиту прав польского народа в составе империи без открытой конфронтации с государством. Второй — конфессиональная солидарность, опиравшаяся на католическую социальную доктрину и выражавшая стремление сохранить религиозную идентичность как основу общественной морали. Третий — этический парламентаризм, при котором политическая деятельность осмыслялась как форма служения общему благу, а не как борьба за власть.

Во II Думе Польское коло заняло позицию умеренного конструктивизма. Оно дистанцировалось от революционных групп, но также избегало полной зависимости от правых националистов. Свою миссию депутаты понимали как посредничество между польским обществом и имперским правительством, стремясь к постепенному расширению прав католического населения через законные парламентские механизмы. В речи Л. Дымши 1907 года звучала характерная формула: «Мы защищаем не власть и не протест, а достоинство закона, которому должны быть подчинены и сильные, и слабые»⁶.

⁵ См.: Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 210.

⁶ Государственная Дума. Стенографический отчет. 1911 год. Третий созыв. Сессия пятая. Ч. 1. Заседания 1—41 (15 окт. — 10 дек. 1911 г.). СПб., 1911. С. 1233.

В III Государственной Думе (1907—1912 годы) организационная структура Польского кола сохранила свою предшествующую конфигурацию, однако политическая линия фракции обрела заметную системность и интеллектуальную завершенность. Новые условия парламентской жизни, определенные изменением избирательного закона 3 июня 1907 года, существенно сократили представительство национальных окраин и тем самым сместили баланс сил внутри Думы. Для польских депутатов это означало необходимость пересмотра прежней модели поведения, основанной на тактических коалициях и ситуативных союзах, которые во II Думе демонстрировали свою эффективность. Сокращение польского присутствия придало их стратегии более принципиальный характер и заставило фракцию переосмыслить свое место в архитектуре имперского парламентаризма.

Польские депутаты пришли к выводу, что прежняя тактика маневрирования, ориентированная на гибкое взаимодействие с центристскими и умеренно-либеральными фракциями, при новой расстановке сил стала неэффективной. Именно поэтому фракция перешла к стратегии «принципиальной автономии», предполагающей отказ от долговременных соглашений и опору на самостоятельное принятие решений. Эта модель поведения имела не только политические, но и богословско-нравственные основания: придерживаясь принципов католической социальной доктрины, польские депутаты стремились не допустить участия в инициативах, которые могли бы противоречить представлению о справедливости, достоинстве личности и естественных правах религиозных общин. Такая установка усиливала внутреннюю консолидацию кола и формировала у его членов ощущение моральной ответственности за каждое парламентское решение.

Политическая позиция фракции получила обозначение «политики свободных рук» — концепции, исходившей из необходимости сохранять независимость от крупных думских блоков и избегать включения в партийные конфигурации, способные размывать конфессионально-национальную идентичность польских депутатов. Эта линия поведения проявлялась в том, что Польское коло вступало в кооперацию только по тем вопросам, которые совпадали с его программными целями: защитой католического образования, прав приходской сети, частной собственности, семейного законодательства и статусных прав

польских земель. В этой стратегии религиозно-нравственный аргумент становился не риторическим украшением, а методологическим основанием принятия решений, позволяя выстраивать политические позиции в логике христианской этики.

Практическая реализация политики автономии проявлялась в разнообразных формах. В ряде случаев Польское коло вступало в ситуативные союзы с депутатами от западных губерний или частью умеренно-консервативных фракций, когда вопросы касались защиты местного самоуправления, школьных программ или аграрных преобразований. Однако в других ситуациях фракция выстраивала открыто оппозиционную линию по отношению к большинству парламента, особенно когда законодательные инициативы затрагивали религиозное положение католиков, административный статус польских регионов или нарушали историко-правовые гарантии, на которые поляки ссылались в своей аргументации. Эта линия превратила коло в одну из наиболее самостоятельных групп позднеимперского парламента, способных выступать как в роли конструктивного партнера, так и в роли принципиального оппонента большинству Думы, если того требовала логика защищаемых ими ценностей.

Депутаты активно участвовали в обсуждении вопросов школьного образования, семейного права и статуса католических приходов, апеллируя к идее духовного равенства всех граждан империи. Понятия справедливость, милосердие, долг перед ближним нередко звучали в думских дебатах. Такая форма политического выражения сближала их с католической традицией «социального апостолата»⁷, где активность в общественной сфере рассматривалась как продолжение религиозного долга.

Фракция сознательно избегала участия в долговременных политических блоках и воздерживалась от формальных партийных союзов, поскольку понимала, что любое устойчивое коалиционное соглашение в условиях жесткой структурированности III Думы неминуемо привело бы к размыванию той религиозно-национальной идентичности, которая являлась фундаментом ее парламентской деятельности. Для Польского коло вопрос автономии был не только тактическим,

⁷ См.: Кодан С.В., Февралев С.А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII — начало XX в.). М., 2014. С. 122.

но и принципиально мировоззренческим: католическая социальная доктрина, на которую опирались депутаты, требовала уважения к самостоятельности малых общностей и не допускала подчинения религиозно мотивированной позиции партийной дисциплине, особенно если последняя могла вступить в противоречие с моральным законом и правами католического населения.

Именно поэтому польские депутаты действовали избирательно, отдавая предпочтение ситуативным альянсам по тем вопросам, где интересы католических верующих, приходов, образовательных учреждений и местных общин совпадали с инициативами умеренно-консервативных или либеральных фракций. Сотрудничество носило не инструментальный, а ценностный характер: оно возникало там, где присутствовало совпадение в понимании задач воспитания, защиты семьи, автономии религиозной общины или необходимости ограничения чрезмерного вмешательства государства в сферу духовной жизни. Такой подход позволял поддерживать гибкость парламентской линии и избегать вовлечения в конфликты, не затрагивавшие польских территорий и католической общины.

Тематика законодательных инициатив Польского коло ясно отражала приоритет духовно-культурных ценностей, которые определяли внутреннюю структуру фракции. Наиболее активное участие польские депутаты принимали в обсуждении школьной реформы, вопросов преподавания Закона Божия, статуса католических учебных заведений и регулирования приходского образования. Школа рассматривалась ими как пространство формирования нравственной личности, где государственное вмешательство должно быть минимальным. Католическое понимание семьи как первичной образовательной среды определяло их убежденность в том, что любое учебное заведение обязано уважать религиозные традиции и моральные нормы, передающиеся в домашнем воспитании.

Участие Польского коло в парламентских дебатах значительно выходило за пределы обсуждения административных регламентов. В речах Любомира Дымши и Владислава Грабского школьный вопрос трактовался как ключевая составляющая свободы совести, от которой зависело не только национальное развитие польского народа, но и сохранение его культурно-религиозной идентичности. Депутаты подчеркивали, что школа, лишенная морального основания, превращается

в инструмент идеологического давления, и что только обучение, сообразное духовным ценностям семьи, способно воспитывать гражданскую добродетель. Их выступления не были направлены на защиту корпоративных интересов католической общины; напротив, они опирались на христианское понимание воспитания как формирования ответственного члена общества, для которого религиозно-нравственная культура является основой гражданской зрелости.

Благодаря такому акценту на идеальных основаниях образования Польское коло стремилось включить богословско-этическую аргументацию в законодательные обсуждения, демонстрируя, что вопросы школы и воспитания имеют прямое отношение к устойчивости общественного строя. Тем самым польские депутаты превращали парламентскую трибуну в пространство, где католическая социальная мысль становилась инструментом не только политической защиты, но и конструирования нравственных критериев для всей государственной образовательной политики.

Значительное место занимали аграрные дискуссии, где польские депутаты выступали против принудительного перераспределения земель, отстаивая идею собственности как естественного права. Их аргументация опиралась на учение *Rerum Novarum*, в котором частная собственность рассматривается не как источник социального разрыва, а как условие ответственности человека за труд и семью. Подчеркивалось, что разрушение хозяйственной автономии крестьян под лозунгами равенства ведет не к социальной справедливости, а к моральной деградации. Подобная риторика придавала экономическим дебатам этическое измерение и вносила в думскую практику элемент богословского рассуждения.

Польские депутаты последовательно настаивали на том, что религиозные организации не должны рассматриваться исключительно как административные единицы, подлежащие контролю государства, поскольку их миссия носит нравственный характер и выходит за рамки публичного права. Эта позиция сближала их с католической концепцией «двух властей».

В отличие от большинства национальных фракций, апеллировавших преимущественно к политическим лозунгам, поляки строили свою позицию на нормах действующего законодательства и международных договоров. В дискуссиях они ссылались на Конституционную

хартию 1815 года, подтвержденную Венским конгрессом, где закреплялось признание католицизма как религии польского народа и гарантировались «определенные права церковных институтов»⁸.

Результаты такой стратегии были неоднозначны. Польское коло редко добивалось прямого принятия своих инициатив, однако сумело закрепить за собой репутацию самой дисциплинированной и интеллектуально подготовленной фракции. Его участники воспринимались как «совесть парламента», способная напоминать о духовных основаниях права даже в рамках светского законотворчества. Их постоянное обращение к моральной аргументации не вызывало раздражения у оппонентов, поскольку опиралось на ясную юридическую логику и корректность формы.

Проект создания Холмской губернии, выделявшей православные земли из состава Люблинской и Седлецкой губерний⁹, воспринимался польскими депутатами не как административное упорядочение, а как покушение на историческую и духовную целостность польских земель.

Депутаты последовательно утверждали, что отделение Холмщины означает прямое вмешательство государства в сферу религиозной принадлежности населения и в структуру традиционных католических приходов, тем самым нарушая моральные основания власти, которые, по их убеждению, должны опираться на уважение к исторически сложившимся общностям. Польские парламентарии подчеркивали, что административная реформа, представляемая как мера упорядочения губернского управления, фактически затрагивает глубинные вопросы идентичности: изменение границ, по их мнению, вело к насильственному перераспределению конфессионального состава населения и подрыву того культурного равновесия, которое веками удерживало местные общины в состоянии относительной стабильности. В своих выступлениях они ссылались на международно-правовые гарантии и на обязательства, вытекавшие из решений Венского конгресса, где признавалась историческая целостность польских земель и права Католической Церкви как института, обеспечивающего моральную преемственность польского общества.

⁸ Земцов Л.И., Найденова Е.А., Шевченко И.А. История России в конце XIX — начале XX века. 1907–1917 годы. Ч. 2. Липецк, 2020. С. 22.

⁹ См.: Нарезный А.И., Дмитриева Н.В. Российские западные национальные окраины во второй половине XIX в. Ч. 1. Ростов н/Д., 2018. С. 82.

Польские депутаты ясно понимали, что исход думской дискуссии во многом предрешен: проект выделения Холмской губернии пользовался устойчивой поддержкой правых и националистических фракций, для которых он символизировал защиту православного населения и укрепление имперского начала на западных окраинах. Более того, правительство рассматривало Холмский вопрос не просто как административный шаг, а как акт конфессионально-государственного значения, направленный на демонстрацию политической преемственности царской власти в деле охраны православия. В такой ситуации Польское коло осознавало, что его сопротивление будет иметь скорее морально-политический, чем практический результат, однако именно это придавало его позиции особую устойчивость: фракция стремилась не столько изменить решение, сколько зафиксировать свою интерпретацию происходящего как нарушения нравственной логики государственного управления.

Одним из сильнейших аспектов деятельности польской фракции стало налаживание устойчивой и многоуровневой обратной связи с католическими активистами, духовенством и общественными организациями в Царстве Польском. Благодаря регулярной переписке, отчетам о работе Думы, обращениям приходских советов и поддержке местных лидеров формировалась единая информационная сеть, которая позволяла депутатам учитывать настроения населения и использовать парламентскую трибуну для артикуляции коллективных опасений. Этот канал коммуникативного взаимодействия придавал позициям Польского коло авторитет народного голоса, превращая фракцию в посредника между польским обществом и имперскими институтами.

В выступлениях польских депутатов юридическая строгость аргументации сочеталась с интонациями пастырского обращения, что делало их риторику одновременно рациональной и глубоко эмоциональной. С одной стороны, они апеллировали к текстам законов, международным соглашениям, статистическим данным и историческим актам. С другой — использовали язык, характерный для католической социальной мысли, подчеркивая моральную ответственность власти перед совестью народа, необходимость уважения к духовным основам жизни общины и недопустимость инструментального обращения с религиозными чувствами ради политических целей. Такое

соединение правовой логики и пастырской тональности превращало их выступления в форму морального свидетельства, выходящую за пределы узкого парламентского спора.

Утверждалось, что истинное единство империи возможно только на основе доверия, а доверие невозможно без уважения к совести и религиозной идентичности. Такая аргументация выводила спор за пределы конкретного административного решения и придавала ему характер экклезиологического конфликта — столкновения двух представлений «о границах церковной миссии и государственности»¹⁰.

Для православной стороны Холмский проект символизировал защиту веры от латинского влияния и представлялся не просто административной мерой, а проявлением духовной ответственности государства за сохранение православного населения на западных окраинах империи. В правоконсервативной риторике проект интерпретировался как продолжение многовековой миссии «защиты единоверия», где изменение губернских границ рассматривалось как акт восстановления исторической справедливости и укрепления культурных основ российской государственности. Православные депутаты и их союзники подчеркивали, что Холмщина является пространством конфессионального столкновения, в котором государство обязано обеспечить преимущество «традиционной» для империи религии, а следовательно, и политическое влияние православного духовенства.

Для Польского коло, напротив, этот проект означал насильственную дезинтеграцию национального организма, разрушение исторически сложившихся связей между католическими приходами, ослабление культурной целостности польского населения и подрыв его правового статуса. В восприятии польских депутатов отделение Холмщины нарушало не только территориальную преемственность, но и символическую структуру польского мира, где каждая приходская сеть была элементом общего культурно-религиозного пространства. Они подчеркивали, что государственное вмешательство в конфессиональный состав региона фактически превращает административную реформу в инструмент национальной инженерии, направленной на ослабление польского влияния и искусственное изменение демографического баланса.

¹⁰ Чемакин А.А. Истоки русской национал-демократии. 1896—1914 годы. СПб., 2018. С. 344.

В этом противостоянии религия перестала быть лишь элементом коллективной идентичности и превратилась в полноценный язык политического выражения, через который каждая сторона артикулировала свои представления о справедливости, исторической памяти и будущем региона. Для российских правых фракций православие становилось критерием легитимности государственной власти и оправданием активной национальной политики. Для польских депутатов католицизм служил средством морального сопротивления, позволяющим оспаривать логику имперских решений, не выходя при этом за рамки легального политического процесса. Депутаты сознательно выстраивали дискурс, в рамках которого юридическая логика опиралась на богословские категории, превращая парламентскую трибуну «в пространство этического сопротивления»¹¹.

Завершение работы III Государственной Думы совпало с очевидным кризисом парламентаризма в Российской империи. Однако в деятельности Польского коло этот кризис не привел к идейной эрозии: напротив, он стал моментом внутреннего утверждения принципов, на которых строилась вся стратегия фракции. Опыт участия в законодательной жизни укрепил убеждение, что католическая социальная доктрина способна служить не только этической основой общественных движений, но и инструментом формирования политического мышления в условиях ограниченной свободы.

Главный результат деятельности фракции заключался в институционализации религиозных принципов в светской парламентской форме. Впервые в российской политической практике религиозное объединение сумело интегрировать католические ценности в механизм законодательного процесса, не превратившись при этом в клерикальную партию. Члены коло рассматривали участие в Думе как форму общественного служения, где вера и право дополняют друг друга, а моральная аргументация не исключает рациональности.

Фракция внесла в думскую культуру представление о политике как форме служения, что стало выражением католической концепции общественного долга. Для польских депутатов участие в парламенте имело значение свидетельства: каждый их шаг оценивался через

¹¹ Чемакин А.А. Русские национал-демократы в эпоху потрясений. 1914 — начало 1920-х годов. СПб., 2018. С. 414.

категорию моральной ответственности. Подобное восприятие политической деятельности как части религиозной миссии сформировало новый тип поведения в публичной сфере — соединяющий рациональность законодателя с аскетической сдержанностью духовного деятеля.

Богословское измерение этого опыта проявилось в утверждении трех ключевых категорий католической социальной мысли: достоинство личности, общего блага и субсидиарности. Первая определяла сам смысл представительства: депутат должен быть выразителем человеческого достоинства, а не интереса группы. Вторая задавала цель политической деятельности — согласование индивидуальных и общественных ценностей. Третья формировала горизонт взаимодействия между властью и обществом, утверждая приоритет малых сообществ и личной инициативы перед бюрократической централизацией.

Практическим следствием такой позиции стало превращение Польского кола в посредника между конфессиональной традицией и правовым полем империи. На более широком уровне опыт Польского кола оказал влияние на становление польской христианско-демократической мысли межвоенного периода. Идеи, впервые опробованные в имперском парламенте, — участие мирян в публичной политике, приоритет морального долга перед партийной дисциплиной, необходимость согласования власти и совести — позднее легли в основу католических политических движений Второй Речи Посполитой.

Таким образом, богословско-политическое наследие Польского кола заключалось в утверждении новой парадигмы христианского участия в государстве. Для Российской империи этот опыт оказался прерванным революционными событиями, но его интеллектуальное и моральное значение продолжило существовать в европейской католической мысли. Он показал, что вера, воплощенная в парламентской практике, может не только охранять традицию, но и создавать пространство диалога между религией и государством, превращая политику из сферы противостояния в пространство служения истине и справедливости. Католическая социальная мысль конца XIX — начала XX века, выработанная в ответ на вызовы индустриализации и секуляризации, получила в деятельности фракции конкретное воплощение, превратившись в практическую программу общественного

служения. Через нее польские депутаты сформулировали собственное понимание политики — как продолжения моральной ответственности, как способа утверждения справедливости и человеческого достоинства в публичной сфере. Их деятельность внесла в российский парламентаризм понятие этической автономии, придала законотворчеству нравственную меру и тем самым заложила предпосылки для последующего развития христианско-демократических идей в Восточной Европе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алескеров Ф.Т., Кравченко А.С. Распределение влияния фракций в Государственных думах Российской империи, 1905–1917 гг. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 18 с.
2. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / авториз. пер. с фр. М. Крисань. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 1012 с.
3. Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
4. Государственная Дума. Стенографический отчет. 1911 год. Третий созыв. Сессия пятая. Ч. 1. Заседания 1–41 (15 окт. — 10 дек. 1911 г.). СПб.: Гос. тип., 1911. 3828 с.
5. Земцов Л.И., Найденова Е.А., Шевченко И.А. История России в конце XIX — начале XX века. 1907–1917 годы: учебное пособие. Ч. 2. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. 85 с.
6. Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 520 с.
7. Кодан С.В., Февралев С.А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII — начало XX в.). М.: Юрлитинформ, 2014. 288 с.
8. Нарезный А.И., Дмитриева Н.В. Российские западные национальные окраины во второй половине XIX в.: учебное пособие в двух частях. Ч. 1. Ростов н/Д.; Таганрог: Южный федеральный университет, 2018. 136 с.
9. Тимиряев Д. О. Политическая борьба в Российской империи на страницах отечественной консервативной и либеральной публицистики в конце XIX — начале XX вв. Польский вопрос. М.: КноРус, 2019. 128 с.

10. Чемакин А. А. Истоки русской национал-демократии. 1896—1914 годы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 651 с.
11. Чемакин А. А. Русские национал-демократы в эпоху потрясений. 1914 — начало 1920-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2018. 606 с.

*Статья поступила в редакцию 19.11.2025,
одобрена после рецензирования 20.04.2026,
принята к публикации 24.04.2026.*

Article

UDC 272+342.532(470+571)|1907/1912|

For citation:

Burlyayev I. Katolicheskaya sotsial'naya doktrina i parlamentskaya strategiya Pol'skogo kolo vo II i III sozyvakh Gosudarstvennoy Dumy Rossiyskoy imperii [The Catholic social doctrine and the Parliamentary strategy of the Polish circle in the second and third State Dumas of the Russian Empire] // Trudy Saratovskoy Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2026. No. 2 (33). pp. 156–174.

DOI: 10.56621/27825884_2026_33_156

Ilya Burlyayev,

Postgraduate Student,

Sretensky Theological Academy,

19, Bolshaya Lubyanka str., bl. 3,

Moscow, 107031, Russian Federation

inburlyayev@mail.ru

ORCID: 0009-0007-1927-3964

The Catholic Social Doctrine and the Parliamentary Strategy of the Polish Circle in the Second and Third State Dumas of the Russian Empire

I. BURLYAEV

Abstract: The article examines the influence of the Catholic social doctrine on the formation of the parliamentary strategy of the Polish Circle in the Second and Third State Dumas of the Russian Empire. Based on an analysis of parliamentary records, church journalism, and papal encyclicals by Leo XIII, the study demonstrates how the principles of solidarity, subsidiarity, and the common good shaped the moral dimension of Polish deputies' political behavior. The faction is interpreted as a model of Catholic parliamentarism, where law functioned as a form of service to justice rather than an instrument of power. Special attention is given to the Polish Circle's stance during the 1912 Chełm Province debate, revealing how theological arguments became tools of political resistance. The conclusion emphasizes its role in forming Christian ethical politics in late imperial Russia.

Keywords: Polish Circle, Catholic social doctrine, Chełm question, Catholic social teaching.

REFERENCES

1. Aleskerov F.T., Kravchenko A.S. (2005) "Raspredeleniye vliyaniya fraktsiy v Gosudarstvennykh dumakh Rossiyskoy imperii, 1905–1917 gg." [Distribution of Faction Influence in the State Dumas of the Russian Empire, 1905–1917]. Moscow. (In Russian).
2. Beauvois D. (2011) "Gordiyev uzel Rossiyskoy imperii. Vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine (1793–1914)" [The Gordian Knot of the Russian Empire. Power, Nobility, and People in Right-Bank Ukraine (1793–1914)]. Moscow. (In Russian. Transl. from French).
3. Chemakin A.A. (2018) "Istoki russkoy natsional-demokratii. 1896–1914 gody" [The Origins of Russian National Democracy. 1896–1914]. St. Petersburg. (In Russian).
4. Chemakin A.A. (2018) "Russkiye natsional-demokraty v epokhu potryaseniya. 1914 — nachalo 1920-kh godov" [Russian National Democrats in an Era of Turmoil. 1914 — Early 1920s]. St. Petersburg. (In Russian).
5. Ivanov A.A. (2013) "Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krakhu (1914–1917)" [The Right in the Russian Parliament: From Crisis to Collapse (1914–1917)]. Moscow; St. Petersburg. (In Russian).
6. Kodan S.V., Fevralev S.A. (2014) "Mestnoye pravo natsional'nykh regionov v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XVII — nachalo XX v.)" [Local Law of National Regions in the Russian Empire (Second Half of the 17th — Early 20th Century)]. Moscow. (In Russian).
7. Narezhny A.I., Dmitrieva N.V. (2018) "Rossiyskiye zapadnyye natsional'nyye okrainy vo vtoroy polovine XIX v.: uchebnoye posobiye v dvukh chastyakh" [Russia's Western National Outskirts in the Second Half of the 19th Century: A Textbook in Two Parts]. Part 1. Rostov-on-Don; Taganrog. (In Russian).
8. Timiryayev D.O. (2019) "Politicheskaya bor'ba v Rossiyskoy imperii na stranitsakh otechestvennoy konservativnoy i liberal'noy publitsistiki v kontse XIX — nachale XX vv. Pol'skiy vopros" [Political Struggle in the Russian Empire in the Pages of Domestic Conservative and Liberal Journalism in the Late 19th — Early 20th Centuries. The Polish Question]. Moscow. (In Russian).
9. Werth P. (2012) "Pravoslaviye, inoslaviye, inoveriye. Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiyskoy imperii" [Orthodoxy, Heterodox

Faith, and Other Beliefs. Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. Moscow. (In Russian).

10. Zemtsov L.I., Naidenova, E.A., Shevchenko, I.A. (2020) "Istoriya Rossii v kontse XIX — nachale XX veka. 1907—1917 gody" [History of Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries. 1907—1917]. Part 2. Lipetsk. (In Russian).

*The article was submitted 19.11.2025,
approved after reviewing 20.04.2026,
accepted for publication 24.04.2026.*